

20⁽⁵⁸⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ
ДЕКАБРЬ
2006

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

Фото Анны Лепехиной

Ки́фа: Владыка, какие основные формы православной миссии в Европе Вы видите сейчас?

Митр. Серафим: Довольно сложно ответить на этот вопрос. Во многом православные утратили дух миссии. Наша миссия осуществляется просто потому, что мы стараемся заботиться о наших верующих. Эта забота заключается в том, что мы просто ждем, когда они придут в церковь. Т.е. мы служим, и если мы служим красиво, по-настоящему, то уже это большая миссия, потому что прежде всего люди нуждаются в молитве. Они уверены, приходя в церковь и молясь, что церковь именно для них, что они там смогут решить свои жизненные проблемы. Это первая ступень, а потом они узнают церковь глубже. На первом этапе люди приходят в церковь только за тем, чтобы церковные молитвы помогли им решить их проблемы. А потом узнают церковь больше и приходят туда не только ради интереса, не ради выгоды, но потому что чувствуют необходимость в этом.

Это внутрицерковная миссия. Но мы должны выходить за стены церковные, идти туда, где живут и трудятся люди, у которых есть свои проблемы. И в этом смысле получается, что мы имитируем методы католиков и протестантов, ко-

ВСЕ СМОТРЯТ НА РОССИЮ

Интервью Серафима (Жоантэ), митрополита
Германского и Центральноевропейского
(Румынская православная церковь)

торые имеют различные формы миссии для различных категорий людей. Одни направлены на миссию среди алкоголиков, другие — среди сирот, среди женщин с семейными проблемами и т.д. Однако в католической или протестантской миссии часто отсутствует дух таинственной литургической молитвы. Если бы у нас, православных, получалось организовать миссию так, как это делают католики и протестанты, тогда мы могли бы сделать больше, потому что у нас есть эта мистическая жизнь, дух таинственной жизни. Поэтому практически сейчас на Западе православные не осуществляют миссию, даже внутреннюю. Многие на Западе вошли в церковь только потому, что они прочли православную книгу.

У русских православных много благочестия. У русских особенное благочестие в служении литургии. Люди на Западе нуждаются в этой мистериальной жизни. Если кто-то из них приходит в православную церковь и видит эту жизнь, то многие обращаются в православие. 95 процентов из западных людей, которые обратились в православие, обратились именно благодаря Русской православной церкви, не через греков, не через румын и не через сербов, а именно через русских. Потому что там жизнь церкви в таинствах очевидна. Мое личное мнение: именно таинства и вообще духовная жизнь Русской православной церкви имеет мировое значение. А что действительно ей необходимо, так это больше открытости к Западу — к католикам, к протестантам, евангелистам, чтобы была более позитивная направленность. Ни в коем случае не нужно ей отказываться от самобытности, от того, что ей присуще. Поверьте мне, что все смотрят на Россию. Есть в ней что-то такое таинственное, что привлекает взгляды всех к России. Как еврейский народ — большая тайна, так и русский, хотя, конечно, не в равной степени. Многие западные люди пришли в православие через русскую церковь, таково мое личное мнение. Однако сама Русская православная церковь не прилагала к этому особенных усилий. Это было личное усилие тех, кто обратился. А если бы она прилагала усилия по примеру католиков и протестантов, то обратила бы к себе весь мир.

Беседовал Александр БУРОВ,
синхронный перевод с румынского
Алины ПАТРАКОВОЙ
(Свято-Паисиевское
малое православное братство)
Монастырь Бранковяну
в Самбата де Сус, Трансильвания,
Румыния. 19 октября 2006 года.

В номере:

Итоги года

подводят духовный попечитель Преображенского содружества свящ. Георгий Кочетков и председатель Сретенского братства Дмитрий Гасак
с. 4-5

Проблемы исторической и национальной памяти в России и на Западе

анализирует профессор Жорж Нива в публичной лекции, прочитанной в Областной библиотеке г. Архангельска
с. 4-5

В чем смысл жизни и смерти человека?

Мы публикуем фрагменты из посвященного этой проблеме доклада ректора СФИ, проф.-свящ. Георгия Кочеткова «От времени Бытия до времени Апокалипсиса», прочитанного на VI Фроловских чтениях в Институте философии РАН
с. 6-7

Разрыв эпох зарастал нами самими

В своем интервью Наталья Горбаневская вспоминает о «поколении 56-го года»
с. 7-8

В «Миссионерском обозрении» — новости из разных городов и стран, размышления о непростых взаимоотношениях церкви и музеев,

а также выдержки из посвященной деятельности Преображенского содружества интернет-дискуссии «Прибежище барсуков»

ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДСТВО

В уходящем году исполнилось 100 лет самому представительному форуму православной богословской элиты в истории России — Предсоборному присутствию

Без малого 100 лет назад лучшие богословы и священнослужители православного мира собрались, чтобы обсудить насущные проблемы церковной жизни. Они готовили Всероссийский поместный собор, поэтому их собрание получило название Предсоборного присутствия.

Какое отношение это событие вековой давности имеет к нам, живущим в совершенно иных условиях? Может быть, достаточно просто упомянуть за упо-

кой усопших рабов Божьих? Но даже простой перечень тем, обсуждавшихся Предсоборным присутствием, поражает своей актуальностью: принципы соборного управления церковью в центре и на местах, реформа церковного образования, восстановление патриаршества, децентрализация церковного управления (деление на митрополичьи округа), редакция богослужебных книг (в том числе вопрос о богослужебном языке), отношения со старообрядцами и инославными. Все эти

проблемы остаются неразрешенными или не получившими удовлетворительного решения по сей день.

Весь XIX век ударными темпами шло разрушение патриархального крестьянского уклада жизни России. Исчезал прежний быт, а с ним неизбежно уходило бытовое благочестие, бытовое исповедничество и вера. На рубеже XIX-XX веков страна пережила бурный экономи-

(Продолжение на с. 2)

Забытое наследство

(Начало на с. 1)

ческий рост. Он вызвал массовый отток сельского населения в города. В этих условиях прежняя приходская жизнь была попросту невозможна. Ее основа — сельская община — была фактически уничтожена.

В городе люди, привыкшие к «расставленному», в соответствии с сельскохозяйственным годом, годовому кругу с неизбежным акцентом на обрядовой стороне церковности, оказывались совершенно в других условиях. Рабочие трудились по 12 часов. В переполненных храмах, где была «чистая публика» их никто не ждал; на одного священника приходилось 2-3 тысячи прихожан. Священнослужители физически не успевали исполнять всех желающих. При этом возможность даже недельного говения рабочих была крайне затруднена, а в традиционном укладе — раз ты не постился, значит, ты и не можешь причаститься, и значит, ты — вообще уже никто. В результате многие отпадали от Церкви, теряли веру. Прощетали пьянство, проституция, азартные игры, хулиганство, которое после революционных событий 1905 года стало массовым явлением в российском обществе, приняв размеры и характер национального бедствия.

В этих условиях работа Предсоборного присутствия была частью ответа Русской церкви на вызов времени (вытеснения церкви на обочину общественной и культурной жизни). Присутствие предложило продуманный перечень преобразований, призванных сделать церковную жизнь более действенной (здесь и меры по развитию православного просвещения, укреплению соборности, редактированию богослужебного устава и т.д.). К сожалению, решения Собора по воплощению этих планов в жизнь запоздали, так же как политические и экономические реформы, как минимум лет на 10. Первая мировая война и последовавшая затем революция похоронили их надолго, если не навсегда.

Сейчас нельзя сказать, что наша церковь сколько-нибудь продвинулась в решении тех проблем, которые стояли перед ней в начале XX века. Скорее «продвинулось» общество. После индустриализации и коллективизации, сопровождавшихся русским холокостом — уничтожением миллионов людей, прежде всего русских, среди которых был и цвет отечественного духовенства и богословия, — народился совершенно новый российский социум. Старой России, увы, больше нет.

А церковь? После десятилетий жесточайших гонений, когда она оказалась отброшенной на периферию общественной жизни, появилась возможность вернуться к активной деятельности. И она пытается это делать, но как? Реанимируя набор форм синодального православия, допетровского православия, московского благочестия... Форм, которые уже на рубеже XIX-XX веков ею же самой были признаны негодными. Это и жесткая, ориентированная на государство, вертикаль власти, и мертвый приход, и отсутствие соборности, и острейшая нехватка образованных людей и пр.

Логика бюрократов, которые больше заботятся о сохранении своих кресел, чем о благе страны, понятна. Им всегда удобнее иметь дело с ограниченной и потому легко контролируемой группой, будь то иерархи или олигархи, безразлично, только бы не с народом. Поэтому они всячески поощряют реставрацию отживших форм. Но наследие Предсоборного присутствия нам еще раз напоминает, что у Церкви есть своя миссия, которая необязательно во всем совпадает с миссией государства или общества. Поэтому негоже нам плестись за государственной машиной. Вспомним, что Предсоборное присутствие отличал дух глубокого знания, приверженности церковной традиции, а значит, дух творческого развития этой традиции. Пора, наконец, обратиться к этому опыту, который вдохновляет и дает нам конкретные указания на то, что же нужно делать, чтобы возрождение Церкви в России состоялось.

Александр БУРОВ

В СЯТО-ВЛАДИМИРСКОЙ СЕМИНАРИИ (ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В АМЕРИКЕ) ИЗБРАНО НОВОЕ РУКОВОДСТВО

Сайт Свято-Владимирской православной богословской семинарии (Крествуд, штат Нью-Йорк) сообщает, что Совет попечителей избрал священников Иоанна Бера и Чада Хэтфилда новыми руководителями духовной школы. Отец Иоанн займет должность декана — в его обязанности будет входить руководство церковной жизнью и образовательным процессом в семинарии. Отец Чад станет проректором и возглавит административное управление школой.

Декан и проректор несут ответственность перед Советом попечителей, который возглавляет председатель Православной церкви в Америке митрополит всея Америки и Канады Герман.

Отец Чад Хэтфилд служит в Кадыяке, штат Аляска, где с 2002 года он занимает пост декана семинарии св. Германа. Отец Чад имеет ученую степень доктора Питтсбургской богословской семинарии и две степени магистра богословия (Master of Divinity, 1978 и Master of Sacred Theology, 1988), полученные в семинарии Nashotah House в штате Висконсин. Рукоположен во пресвитера преосвященным Василием (Эсси), епископом Антиохийской православной архиепископии Северной Америки, в 1994 году. Вице-президент управления Центра православной христианской миссии (ОСМС), сопредседатель Отдела по евангелизации Православной церкви в Америке, член комитета по богословскому образованию ПЦА, член консультативного совета при журнале Christian Bioethics и член консультативного совета при колледже города Кадыак. Отец Чад и его супруга, матушка Фекла, передут в кампус Свято-Владимирской семинарии в конце текущего академического года.

Отец Иоанн Бер, один из видных богословов нашего времени, в настоящее время занимает должность профессора патристики в Свято-Владимирской семинарии. Ученик епископа Каллиста (Уэра), отец Иоанн получил степень PhD в области богословия в Оксфордском университете и степень магистра богословия в Свято-Владимирской семинарии. Автор многочисленных трудов, среди которых недавно изданные книги The Mystery of Christ: Life in Death (Crestwood, NY: SVS Press, 2006) и The Nicene Faith, vol. 2 of The Formation of Christian Theology (Crestwood, NY: SVS Press, 2004). Выступает по всему миру с лекциями по православному богословию. Рукоположен во пресвитера в 2001 году. В настоящее время является редактором ежеквартального богословского журнала St Vladimir's Theological Quarterly и the Popular Patristics Series, а также куратором программы «Межсеминарский диалог». Живет с матушкой Кейт, двумя сыновьями и дочерью в кампусе Свято-Владимирской семинарии.

Комментируя новые назначения, митрополит Герман заявил: «Чтобы ответить на вызовы современного богословского образования и исполнить его задачи в максимально возможном объеме, мы не смогли бы сделать более удачный выбор», и назвал священников Бера и Хэтфилда «двумя сияющими звездами православного мира».

На новом поприще ключевой задачей отцов Чада и Иоанна станет воплощение в жизнь недавно разработанной учебной программы «Пастырь добрый», уже получившей одобрение Совета попечителей. Эта программа оригинально совмещает академические семинары и теоретическую работу с практическим обучением, особенно гомилетике и учительству.

Официально отцы Чад и Иоанн вступят в должность после того, как в июне 2007 года истечет срок полномочий отца Джона Эриксона, нынешнего декана семинарии.

СИНОД РПЦЗ ПОДПИСАЛ «АКТ О КАНОНИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ»

Вадим Ярмолинец, «НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» Нью-Йорк.

Архиерейский синод Русской православной церкви за границей подписал «Акт о каноническом общении» с Русской православной церковью (Московский патриархат). Подписанием завершилось расширенное заседание Синода, проходившее в Нью-Йорке с 7 до 10 декабря под председательством Высокопреосвященнейшего митрополита Лавра.

Под документом, который обнародован на сайте РПЦЗ (<http://www.synod.com>) стоят подписи девяти иерархов, включая архиепископа Сиднейского и Австралийско-Новозеландского Илариона и епископа Манхэттенского Гавриила, которые ранее заявляли о том, что слияние с Московским патриархатом несвоевременно. Вопреки сообщениям о единомыслии подписании «Акта» ряд епископов РПЦЗ свои подписи под документом ставить наотрез отказались.

Напомним, что главными препятствиями к слиянию двух церквей были позиции по вопросам Декларации митрополита Сергия от 1927 года, который провозгласил единство церкви и преследовавшего ее советского государства, и членства Московского патриархата во Всемирном совете церквей (ВСЦ). Все просьбы руководства РПЦЗ о пересмотре этих вопросов МП до сих пор игнорирует.

В беседе с корреспондентом «НРСлова» епископ Гавриил сказал, что поставил свою подпись под «Актом» ради соблюдения соборности и во избежание раскола. Возможность раскола, между тем, сохраняется, поскольку свои подписи под документом отказались ставить епископ Таврический и Одесский Агафангел и епископ Ирийский Даниил. Последний отказался участвовать в заседании Синода, заявив свое несогласие с его политикой и сославшись на нездоровье.

В беседе с корреспондентом «НРСлова» епископ сказал, что не представляет себе, как будут развиваться события дальше, допустив вероятность того, что теперь его просто отстранят от дел.

Епископ Агафангел, отказавшийся подписывать «Акт», ранее отказался помянуть митрополита Лавра, что разбиралось на заседании Синода как нарушение церковного канона. Ему было вменено в обязанность поминовение своего первоиерарха, но последует ли он распоряжению, не известно. В юрисдикцию Агафангела входят приходы РПЦЗ в Украине, Белоруссии и Молдавии.

Подписанный Синодом «Акт о каноническом общении» признает РПЦЗ неотъемлемой самоуправляемой частью поместной Русской православной церкви. РПЦЗ будет управляться собственным архиерейским собором, представляющим ее «высшую духовную, законодательную, административную, судебную и контролирующую власть» и избирающим ее первоиерарха. Затем это избрание «утверждается, в соответствии с нормами канонического права, патриархом Московским и всея Руси и Священным синодом Русской православной церкви». Критики воссоединения считают, что этот механизм поставит РПЦЗ в полную зависимость от Москвы.

На расширенном заседании было принято решение о начале работы над торжественной церемонией совместного подписания «Акта», которая состоится в Москве в мае 2007 года.

На январь Синод запланировал отправку в Южную Америку своей делегации, которая должна склонить тамошних представителей руководства РПЦЗ к принятию «Акта».

Ряд священников, критически относящихся к слиянию с МП, высказывает надежду, что Москва еще может не подписать «Акт» из-за утвержденного Синодом РПЦЗ «Приложения», которое предполагает пятилетний переходный период, в течение которого священникам РПЦЗ будет позволено не помянуть Московского патриарха. Это сделано с тем, чтобы избежать возможных конфликтов со священниками и паствой, выступавшими про-

тив слияния с МП на ее условиях.

Петр Колтыпин, активный представитель мирян и участник IV Всезарубежного собора РПЦЗ, который состоялся в мае этого года в Сан-Франциско, говорит, что митрополит Лавр, по сути, обманул ожидания паствы, поскольку в течение трех последних лет успокаивал ее словами о том, что никакой успешности при объединении с МП проявлено не будет, и неперенным условием объединения станет выполнение условий по вопросам отношения к Декларации митрополита Сергия и членству в ВСЦ.

РОЖДЕСТВО В ВИФЛЕЕМЕ ПРОЙДЕТ БЕЗ ПРИВЫЧНЫХ ТОРЖЕСТВ

Уже шесть лет подряд, со времени начала очередной «интифады», Рождество Христово отмечается в Вифлееме очень скромно. Город, ставший «горячей точкой», окружен ныне стеной безопасности, христиане, некогда составлявшие большинство жителей, целыми группами покидают Вифлеем.

Как ожидается, и в этом году Рождество Христово пройдет в Вифлееме без подобающих этому празднику торжеств.

Правда, правительство Палестинской автономии, контролируемое движением «ХАМАС», обещает выделить 50 000 долларов на традиционное украшение места, где, по преданию, появился на свет Младенец Христос. Эта сумма вдвое превышает ту, что ежегодно выделялась на эти цели, сообщает MIGnews.

Однако и этих дополнительных средств, если они и будут выплачены, не хватит, чтобы принести в город настоящий праздник.

На площади Яселей, рядом с Церковью Рождества, построенной в том месте, где родился Иисус Христос, работают только два из шести магазинов подарков и маленькое кафе. Многочисленные магазины на соседних улицах также закрыты.

По данным статистики, в прошлом году на Рождество в Вифлеем приехало не более 2 500 туристов-христиан. В этом в основном приходится рассчитывать на христиан-арабов, которые могут приехать сюда из израильских городов.

До начала палестинского восстания Вифлеем ежемесячно посещали более 90000 паломников.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОМОЖЕТ ВОССТАНОВИТЬ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ В ЛИВАНЕ

РИА «Новости»/Патриархия.ру

Часть собранных в России по инициативе Русской православной церкви средств для оказания помощи ливанцам, пострадавшим во время войны с Израилем, пойдет на восстановление православных храмов на юге страны, поврежденных в результате израильских бомбежек.

Эти средства будут выделены для четырех храмов и одного монастыря на юге республики, пострадавших от израильских налетов. Из них наиболее сильным разрушениям подвергся старинный монастырь Мимоса XVI века.

Митрополит юга Ливана Илья (Кфурри) сравнил бомбежку в районе этого монастыря, которая фактически привела к уничтожению этого уникального памятника истории, с землетрясением. Вместе с монастырем оказались разрушены и находящиеся рядом с ним древние гробницы.

За 34 дня войны с Израилем летом этого года погибли более 1180 ливанцев и свыше четырех тысяч человек получили ранения. Почти миллион ливанцев за это время превратились в беженцев и были вынуждены покинуть районы проживания в основном на юге страны и в южных пригородах Бейрута, где целые деревни и густонаселенные кварталы были уничтожены израильскими бомбардировками.

В КАЛУГЕ СОСТОЯЛАСЬ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ОПЫТУ ЦЕРКВИ, СВЯЗАННОМУ С КАТЕХИЗАЦИЕЙ

5 декабря в Калуге состоялась конференция «Катехизация: опыт Церкви вчера и сегодня». Богословы, миссионеры и студенты духовных школ обсудили актуальные проблемы современной приходской жизни и проанализировали опыт проведения катехизации в различных регионах России.

Открывая конференцию, викарий Калужской епархии архиепископ Людиновский Георгий указал на ряд проблем, среди которых особенно выделил одну — в современном обществе очень много крещенных, но нецерковных людей, которые не являются членами приходских общин. Выступавшие были единодушны в том, что практика массовых крещений без предварительного оглашения как наследие советской эпохи окончательно себя изжила. Гости конференции в своих выступлениях предложили конкретные методические разработки по огласительной работе, проанализировав существующие недостатки в этой области. Были рассмотрены особенности исторического опыта катехизации, миссионерский потенциал канонических норм, необходимость воссоздания полнокровной церковной общины как принципа единства веры и жизни, различные возможности Русской православной церкви в области катехизации.

Выступления чередовались с живыми и заинтересованными откликами клириков Калужской епархии, что

позволяет говорить о неравнодушном отношении участников к этой проблеме.

По окончании конференции вниманию присутствующих был представлен проект итогового документа, в котором заложены основные рекомендации по совершенствованию огласительной работы на приходах.

Участники конференции приняли решение вынести этот документ на рассмотрение специальной рабочей группы для окончательной доработки.

В качестве обмена опытом в области современной миссионерской практики руководитель миссионерского отдела Курской епархии иерей Тигрий Хачатрян со студентами Калужской духовной семинарии провели мастер-классы «Диспут неверующего со студентами духовных школ» и «Прямой эфир в студии».

Состоявшаяся конференция организована Калужской епархией совместно с Синодальным отделом образования и катехизации при участии Духовно-просветительского центра «Вера, Надежда, Любовь» (Обнинск). В обсуждении проблем катехизации приняли участие заведующий сектором церковно-приходского образования Синодального отдела религиозного образования и катехизации священник Игорь Киреев, протоиерей Олег Стеняев, священник Даниил Сысоев и другие.

Священник Георгий КАЗАНЦЕВ
газета «Церковный вестник»

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ СЕСТРЫ ИОАННЫ (ЮЛИИ НИКОЛАЕВНЫ РЕЙТЛИНГЕР)» ПРОШЛА В МУЗЕЕ А.А. АХМАТОВОЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

30 ноября 2006 г. в музее А.А. Ахматовой в Фонтанном доме состоялась презентация новой книги, выпущенной русско-французским издательством «Русский путь», — «Художественное наследие сестры Иоанны (Юлии Николаевны Рейтлингер)». Организатором презентации выступило Свято-Петровское малое православное братство и газета «Кифа», книгу представлял ее собиратель и составитель, главный редактор издательства «Русский путь» Н.А. Струве.

После вступительного слова ведущего вечера, заместителя главного редактора газеты «Кифа» А.А. Бузова, был продемонстрирован подготовленный силами братства фильм, повествующий о непростой и необычной судьбе сестры Иоанны. Юлия Николаевна Рейтлингер родилась в 1898 г. в Петербурге в дворянской семье и с детства мечтала о призвании художника. Революции, смерть матери, невозможность продолжить образование на родине — эти и другие события вынудили ее покинуть Россию. Жизнь в Праге, потом в Париже: близкое знакомство с о. Сергием Булгаковым, занятия в мастерской Мориса Дени, изучение иконописи... В 30-е гг. с благословения о. Андрея Сергеевко Юлия Николаевна создает свой первый фресковый комплекс — расписывает церковно-барак в Медоне. В 1934 г. она принимает постриг с именем Иоанна и становится по примеру м. Марии (Скобцовой) монахи-

ней в миру. Она много работает, пишет иконы, расписывает храмы в Англии и Франции. После смерти о. Сергия Булгакова, по его благословию, с. Иоанна решает вернуться на родину, но на несколько лет вынужденно задерживается в Праге. Ее возвращение в Россию произошло только в 1955 г. Здесь, в Ташкенте, и проходит последний этап ее жизни и творчества. Она создает храмовые иконы для храма о. Александра Меня, маленькие иконки для его прихожан и своих ближайших друзей. В 1984 г. сестра Иоанна скончалась на четвертый год полной слепоты.

Выступление кандидата педагогических наук, преподавателя СФИ А.М. Копировского ввело гостей презентации в удивительный мир творчества с. Иоанны, в котором вдохновенно соединились открытия мировой живописи с классической иконописной традицией. Работы с. Иоанны, которые были представлены вниманию зрителей, не только захватывали своей святостью, но и убеждали в том, что и в XX веке в иконописи возможен путь свободного творчества, а не стилизации.

Н.А. Струве поделился своими воспоминаниями о личных встречах с сестрой Иоанной, о том, как ему довелось собирать и спасать ее наследие в Париже и России. На настоящий момент альбом, выпущенный издательством «Русский Путь», и небольшая выставка ее работ в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» — единственная возможность познакомиться с творческим наследием сестры Иоанны, которое могло бы стать для нас источником свободы, радости, вдохновения, живым и действенным свидетельством о Царстве.

Вопросы, обращенные к участникам презентации, свидетельствовали о реальном интересе и сердечном отклике, которые вызвало у гостей наследие сестры Иоанны (Рейтлингер).

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ ПРИВЕЛ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, А ТАКЖЕ О ЧИСЛЕННОСТИ МОСКОВСКОГО ДУХОВЕНСТВА

В своем выступлении на ежегодном епархиальном собрании г. Москвы предстоятель Русской церкви отметил положительную динамику развития церковной жизни. По данным, приведенным в выступлении Святейшего патриарха, в настоящее время в Русской православной церкви 131 епархия. На сегодняшний день насчитывается 169 архиереев (из них 131 епархиальный и 38 викарных) и 13 находятся на покое.

Действует 713 монастырей, в том числе:

в России — 216 мужских и 237 женских обителей;

на Украине — 87 мужских и 81 женская;

в других странах СНГ — 34 мужских и 53 женские;

в зарубежных странах — 2 мужских и 3 женские.

В патриаршем ведении находятся 25 ставропигиальных монастырей, в число которых входят 4 мужские и 4 женские обители в Москве, имеющие 16 монастырских подворий (с 64 храмами). Действуют 7 представительских подворий Поместных православных церквей с 9 храмами.

В настоящее время в столице являются действующими 7 соборов Московского Кремля, 2 кафедральных собора, 5 храмов при Синодальных учреждениях, 298 приходских храмов, 118 Патриарших подворий, 64 монастырских подворья, 68 монастырских храмов, 9 крестильных храмов и 69 часовен.

Святейший патриарх Алексей отметил, что в 17 храмах столицы богослужение не возобновлено. Не освобождены прежними арендаторами 33 храма. 90 храмов и часовен строится.

Клир г. Москвы насчитывает 1117 человек, из них на приходах столицы совершают служение 820 священников и 297 диаконов. В монастырях совершает служение монастырское духовенство — 400 священников и 185 диаконов, всего 585 клириков. Общее количество духовенства в Москве — 1273 священника и 510 диаконов, всего 1783 клирика, в том числе 17 клириков находятся в заграничной командировке.

На конец 2006 года Русская православная церковь имеет 5 Духовных академий, 2 Православных университета, 37 Духовных семинарий, 38 Духовных училищ и в одной епархии — пастырские курсы.

При нескольких академиях и семинариях открыты иконописные и регентские школы. Подготовка кандидатов в священство и других церковных работников для Москвы осуществляют Московские духовные академия и семинария, Сретенская, Перервинская и Николо-Угренская семинарии, а также а также Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Приведенные выше статистические данные красноречиво свидетельствуют о положительной динамике развития церковной жизни в ее внешних проявлениях, отметил Святейший патриарх. «Однако более всего тем, кто заботится о благоустройстве дома Божия, «который есть Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истинны», следует помышлять о собственном душевном устройстве, дабы не уподобиться тем, о ком сказано в Евангелии, как об «имеющих вид благочестия, силы же его отрекшихся», дабы каждый домостроитель Таин Божиих был подлинным «образом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте», — подчеркнул он в своем выступлении.

ПРАВОСЛАВНО-ЛЮТЕРАНСКАЯ СМЕШАННАЯ КОМИССИЯ ВЫСКАЗАЛАСЬ ЗА РАЗВИТИЕ ДИАЛОГА МЕЖДУ ДВУМЯ ТРАДИЦИЯМИ

Православно-лютеранская смешанная комиссия по богословскому диалогу, XIII встреча которой прошла в ноябре в Братиславе, отметила рост взаимопонимания между двумя церковными традициями.

«Смешанная комиссия вновь твердо высказалась за продолжение диалога между двумя традициями. Был отмечен значительный рост в экуменическом взаимопонимании и взаимной признательности», — говорится в коммюнике по итогам заседания.

Комиссия также приняла совместное заявление, в котором рассмотрены взгляды обеих традиций на таинство причастия, сообщает официальный сайт Московского патриархата.

В заседании также участвовали представители Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, Румынского патриархатов, Элладской, Албанской, Чешских земель и Словакии, Финляндской православных церквей. Русскую православную церковь на встрече представляли профессор Московской духовной академии и семинарии Алексей Осипов и сотрудник Отдела внешних церковных связей диакон Георгий Сергеев.

Следующую встречу планируется провести в Йёнс-суу (Финляндия) 3-8 октября 2007 года.

СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА ПАПЫ РИМСКОГО БЕНЕДИКТА XVI С АРХИЕПИСКОПОМ АФИНСКИМ ХРИСТОДУЛОМ

Папа Римский Бенедикт XVI принял 14 декабря в Ватикане предстоятеля Элладской православной церкви архиепископа Афинского Христодула.

Православный иерарх прибыл в Рим накануне с четырехдневным визитом. Это его первая поездка в Рим с апреля 2005 года, когда архиепископ Христодул участвовал в погребении папы Иоанна Павла II. Покойный понтифик совершил первый в истории визит в Афины в 2001 году.

Обращаясь к православному гостю, Бенедикт XVI подчеркнул, что две Церкви должны вместе бороться за христианское наследие Европы. «Необходимо развивать сотрудничество между христианами в каждой

стране Европейского союза, чтобы противостоять опасностям, которые угрожают христианской вере, то есть растущему секуляризму, релятивизму и нигилизму», — отметил папа в речи, произнесенной по-французски.

Выступая перед отлетом из Афин 13 декабря, архиепископ Христодул назвал отсутствие единства среди христиан «позором» и упомянул о 25-летнем диалоге, «цель которого — разбить лед в отношениях между Церквями».

По словам архиерея, сегодня есть острая необходимость «сотрудничества между религиями, и не только между христианами Церквями», а мир находится «под угрозой», исходящей от «фанатизма некоторых людей, на который они наклеивают ярлык религий».

В МОСКВЕ ОТКРОЮТ ПАМЯТНИК ГРЕЧЕСКИМ ПРОСВЕТИТЕЛЯМ ЛИХУДАМ

В центре Москвы будет открыт памятник греческим просветителям братьям Иоанникию и Софронию Лихудам, передает «Интерфакс».

Решение об этом было принято на заседании комиссии Мосгордумы по монументальному искусству. Памятник подарен городу правительством Греции и будет установлен на газоне перед входом на территорию храма бывшего Богоявленского монастыря, что

неподалеку от Красной площади.

Иоанникий (1633 — 1717) и Софроний (1652 — 1730) Лихуды, выдающиеся церковные деятели, участвовали в подготовке славянского перевода Библии, преподавали в славяно-греко-латинской академии. Авторы полемических сочинений о католиках, лютеранах, старообрядцах, а также переводов с греческого, латинского и итальянского языков.

Итоги года

Кифа: Какие события Вы выделили бы среди итогов этого года и как бы их оценили?

Духовный попечитель Преображенского содружества, священник Георгий Кочетков: Это не такой простой вопрос. Мне трудно подводить итоги года не только потому, что год еще не закончился, но и потому, что еще не прошло того времени, когда какие-то вещи становятся очевидными с точки зрения их весомости, значимости для

будущего и настоящего. Но думаю, что все-таки главное в нашем братстве — это конференция, которая прошла в августе этого года. На этой конференции произошло два важнейших события. Во-первых, по-новому был поднят вопрос об иночестве. И самое важное даже не то, что он был поднят, — так или иначе мы его и раньше поднимали, — а то, что он получил широкий резонанс в Содружестве братств и мы смогли его обсудить. С другой стороны, огромный резонанс вызвала встреча шестидесятников и семидесятников, когда люди делились своим историческим опытом — новые люди, часто не принадлежащие к братству и церкви, но люди искренние и глубокие, показавшие верность базовым ценностям своей жизни. Эта встреча произвела большое впечатление, потому что участники конференции почувствовали вдруг свою причастность истории. Это важно, потому что тридцать-сорок лет прошло, и многие, конечно, ничего этого не знают и не помнят, но они должны чувствовать себя наследниками предыдущего поколения. Здесь тоже важно не столько то, что произошло, а то, что люди оценили это сами, без «раскрутки», без рекламы.

Для меня были важны некоторые поездки и паломничества. Прежде всего, участие в конференции в Бозе, где я делал один из основных докладов по миссии. Это потребовало большой собранности в оценке материала, который осмысливался не один год. Такие итоговые доклады не часто бывают. И мне кажется, очень важно, что это произошло.

Очень хорошее впечатление на меня произвел Филаретовский день нашего института, после которого было объявлено о создании Ассоциации выпускников и студентов СФИ. Это тоже замечательное событие. Наконец-то мы восстановили то единство жизни братства, к которому мы стремимся. То, что на этот праздник к нам впервые официально были посланы делегации от Минских духовных школ и Белгородской семинарии — это очень радостно и серьезно.

Если говорить не только о событиях, непосредственно происходивших в нашем братстве, то мне показалась интересной и важной неожиданно вспыхнувшая в последние дни переписка в интернете по поводу маленькой статьи Ильи Переседова в Живом журнале о нашем Содружестве. Это интересно, потому что взорвалось совершенно неожиданно и вызвало огромный интерес и какую-то откровенную полемику в совершенно открытом пространстве. Это я считаю ценным, потому что такого раньше просто не было. И это говорит о том, что накопился какой-то потенциал и мы поработали какой-то если не авторитет, то во всяком случае что-то, что вызывает интерес к нам в церкви.

Кифа: Видимо, накопились и какие-то изменения в церкви, которые делают возможным обсуждение тех вопросов, которые год назад не могли обсуждаться никак. Год назад отец Николай Балашов в интервью нашей газете говорил о том, что, на его взгляд, сейчас наступает время, когда острые вопросы вроде перевода богослужения становятся возможным обсуждать широко. Как Вам кажется, в эту сторону происходит какое-то движение?

Отец Георгий: Да, вот это и есть в первую очередь в обсуждении Переседова. Будет ли возможно в церкви обсуждать и переводы? Пока ясно только одно: интерес к этому резко растет. Об этом свидетельствует и то, что у нас расхватали все оставшиеся старые выпуски переводов, хотя всем известно, что готовится к изданию новый.

Здесь этому может поспособствовать и наконец-то готовящаяся концепция катехизации Русской православной церкви. Мы ее, конечно, тоже приветствуем как значительный факт, несмотря на ее незавершенность и в чем-то непоследовательность и противоречивость. Можно надеяться, что в будущем году тематика миссии и катехизации станет в нашей церкви, а не только в нашем братстве, одной из центральных.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ

Фрагменты публичной лекции профессора Жоржа Нива, прочитанной 4 декабря 2006 г. в Областной библиотеке г. Архангельска

Я не собирался читать лекцию, мне скорее хотелось поделиться в довольно свободной форме размышлениями над проблемой исторической памяти. Тема эта меня давно интересует как историка идей, как гражданина, христианина, человека.

Человек не может жить без памяти. Вместе со своим другом Александром Архангельским, писателем и журналистом, я задумал книгу, которую хотел бы назвать «Урочища русской памяти». Я взял пример с книги группы историков под редакцией французского историка Пьера Нора «Места памяти», которая вышла в начале 80-х гг. До появления этой книги выражение «места памяти» не существовало. Но книга вышла, имела невероятный успех, и многие стали пользоваться этим французским выражением, даже не зная, откуда оно произошло.

ПАМЯТЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Я приведу несколько примеров из русской истории. Академик Лихачев, столетие которого мы недавно отмечали, многое сделал для сохранения памяти в России. Но надо попытаться уточнить в этом случае смысл слова «память». Главным образом Дмитрий Сергеевич имел в виду сохранение памяти, которая уничтожалась. Сохранение памяти Древней Руси, сохранение памяти христианской Руси, сохранение памяти региональной Руси. Он создал серию «Памятников литературы Древней Руси» и стремился к сохранению давнего образа русского человека. Ему казалось, что нельзя забывать, что есть образ доброго русского человека, а не только бдительного солдата революции. Он хотел, как мне кажется, в данном случае, бороться с разрывами, которые произошли в русской памяти. Это есть во всех его исторических рассказах. Я использую здесь слово «повесть» или «рассказ», так как нет истории без рассказчика. Как бы ни старалась история быть объективной, нейтральной, все равно она не может обойтись без одного повествователя. Даже если этот повествователь одевается в одежды самого нейтрального ученого.

Разрывы, конечно, были и во французской памяти, особенно в эпоху революции. Революция национализировала очень много церквей, монастырей. Несколько городов активно сопротивлялись Конвенту и подверглись активным преследованиям. Мало кто знает, что в течение нескольких месяцев город Лион был наказан конвентом лишением названия. Это было неудобно с точки зрения адреса — город без названия. Но это был такой экстремальный жест, чтобы порвать связь времен, покарать город. Наказание топонимическое сопровождалось большими жестокостями, которые устроили господа Фуше и Карье.

Вы знаете, что топонимика в России тоже активно менялась. Менялась иногда до смешного. Я помню, как в одном селе возле Толгского монастыря в середине 90-х гг. в местном совете мне с юмором перечисляли все названия, которые имела главная улица их села: Благовещенская, Троицкая, Бухарина, Зиновьева, и наконец, Большевики. Неудачно выбрали название — приходилось менять очень быстро.

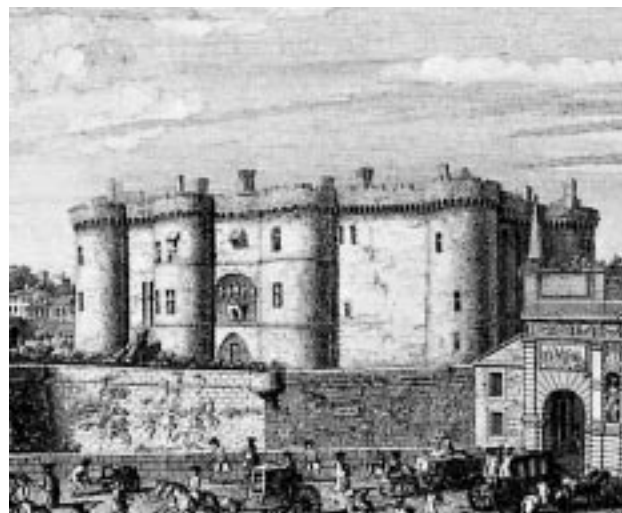
Другой пример — Ленинград — Санкт-Петербург. Но не надо забывать, что до Ленинграда был Петроград. Александр Исаевич Солженицын придумал еще один вариант. Его тоже не устраивало возвращаться к Санкт-Петербургу. И если вы помните, то в одном тексте он предлагает называть Ленинград Невоградом, градом на Неве. Во всяком случае, граждане Ленинграда, по предложению их мэра Анатолия Собчака, выбрали возвращение к первому названию. Но область остается Ленинградской.

Такая двойственность топонимики, и вообще символики, повсюду в России. В России, например, сейчас два флага: трехцветный, российский и красный, советский — для армии. Что означает эта двойственность? Она означает, что есть несколько слоев памяти, что люди не готовы выбирать между ними. А власть в данном случае предпочитает не выбирать, а брать и то, и другое.

Конечно, разрывы в русской исторической памяти связаны не только с революцией, но, может быть, и с двойственностью культуры, которая была в России, с ее разделением на дворянство и народ. С одной стороны, дворянская культура была полностью европейской. И русская усадьба, хотя и имеет свой русский шарм, но соответствует какой-то всеобщей европейской архитектуре. А народная, т.е. крестьянская, цивилизация совершенно другая. Это можно проследить у Толстого и Достоевского. Толстой пытался унаследовать эту крестьянскую культуру. «Баба доля», которую он написал под диктовку одной крестьянки, написана совершенно другим языком,

синтаксисом, чем все остальное у Толстого. А когда в 1878 году четверо студентов обратились к Достоевскому с вопросом: «Федор Михайлович, объясните нам, что надо делать? Идти в народ? Стать террористами? Как служить делу?» — он ответил: «Вы должны служить народу. Идите на улицы, идите на Сенную площадь, и вы увидите народ». Так что и у Толстого, и у Достоевского было убеждение, что действительно страна расколота, что есть две цивилизации: дворянская и народная.

Эта двойственность, по-моему, объясняет многое из того, что случилось в России. Но разрыв в связи времен, который произошел в 1917 г., был, конечно, очень большим. Началась борьба власти с историками и историков с историей. Так, например, академика Евгения Викторовича Тарле (1875-

Бастилия

1955) арестовывали несколько раз. Он написал большой труд о Крымской войне. Когда Сталин возвращал некоторую национальную память России, Тарле выпускали.

ШКОЛА АННАЛОВ

Вы слышали наверняка о «школе анналов». Школа анналов, которая основана в 1920-е гг., считала, что вот это повествование об истории ошибочно. Или очень, так сказать, узко берет действительность. Ныне живущий историк, можно сказать, самый известный сегодня французский историк Эммануэль Ле Руа Ладюри написал тридцать лет тому назад свою знаменитую книгу «История одной деревни в Лангедоке». Он, благодаря архивам, может уйти назад до XV века, потому что во многих деревнях французских есть архивы до XV века. Это архивы церкви, которые перешли в мэрию по приказанию конвента, и это архивы нотариусов. Вот эти архивы нотариусов содержат всю нашу историю. То есть историю браков, наследств, кто какой дом получает — самое важное, т.е. споры о частной собственности. И «Монтайю» — это образец новой истории. Что важнее: история монархов, которые создали Францию, или республик, которые потом чередуются, или история Монтайю, этой деревушки? Неизвестно. Может быть, «Монтайю» дает более верный образ того, как жили люди.

Или другой представитель «школы анналов» Филипп Арьес написал историю смерти. То есть — как люди умирают. Они умирали совершенно по-другому раньше. Раньше обязательно вся семья собиралась вокруг умирающего за несколько недель до этого события, и все ждали. Человек никогда не умирал один. Были обряды, конечно, христианские, католические. Были и свои обряды у гугенотов. Но эта история смерти меняется в революционное время. Меняется с распространением богаделен, и вплоть до наших дней, когда не принято пожить человеку жить у своего сына. И есть дома для престарелых. Вплоть до жаркого лета позапрошлого года, когда, увы, мы увидели, что в Париже умерли от жары несколько сотен старых одиноких людей. Стоило только им принести воды... Но время другое. И никто не стучит в дверь, потому что индифферентность, или потому что уехали на каникулы все, или потому что уважают одиночество этого человека, не хотят беспокоить его. Так что история смерти — это другая история, по которой мы тоже можем получить память о нас, кем мы были раньше.

Вчера я упомянул историю исповеди. Казалось бы, исповедь — это очень тайное событие между духовником и исповедующимся. Но в XVII веке в духов-

ных академиях во Франции было написано очень много учебников и книг, которые дают советы духовникам, как вести исповедь. Так что мы можем проследить историю исповеди. А исповедь — это история всего человеческого. На исповеди говорят, как убивали, грабили, обманывали, страдали и т.д.

Мне кажется, что несколько краеведческих работ в России соответствуют школе анналов. Иногда в своей наивности. Но краеведение наверняка спасло много той местной, частной памяти, памяти о том, какими орудиями крестьянин обрабатывал землю, как он строил церковь, как он строил свой амбар и т.д.

Можно говорить также о *забытых памятях*. Вот в «Урочищах русской памяти» будут две главы. Одна о забытой крестьянской памяти в России и о забытой рабочей памяти в России, которую написал социолог Борис Фирсов из Петербурга. Потому что крестьянская память была уничтожена. А она была. Мой мэтр и учитель Пьер Паскаль, который провел 17 лет в России, был основателем группы французских большевиков в Москве. Он остался в то же время верным католиком. В общем, человек своеобразный. Он написал «Историю моей деревни» в Заволжье. Сейчас я не могу вспомнить как называется эта деревня. Но он увидел в Заволжье, где он проводил лето в 1925–1927 гг., как работал мир рядом с начинающимся колхозом. Эти два учреждения работали параллельно до того момента, когда Сталин решил, что надо насильственным образом установить повсюду колхозы, и тогда было покончено с этим миром. Или Сергей Шмеман, который написал очень интересную книгу, историю одного русского села.

О ПРОШЕНИИ

Теперь несколько слов об одном аспекте памяти, который у нас растет. Это *требование о том, чтобы просили прощения*. Требование о том, чтобы, например, французы просили прощения у африканцев за рабовладельческую торговлю. Действительно, владельцы кораблей, которые возили рабов из черной Африки в Бразилию или в Северную Америку, в основном были из города Нант. И вкладывали свои деньги в этот бизнес. Но сами они не занимались ловлей рабов. Они покупали рабов на рынках в этих маленьких африканских королевствах. И местные короли, довольно часто мусульманские, воевали между собой, забирали к себе рабов и их продавали. И эти нантские владельцы кораблей не занимались эксплуатацией в Бразилии и в Америке. Они только этот груз перевозили. И, естественно, богатели на этом.

Сложность этих требований о памяти большая, потому что можно было бы требовать, чтобы африканцы просили друг у друга прощения, потому что первоначальное звено в этой цепи зла — это тот маленький король, который брал в кабалу пленников. И естественно, и в Бразилии, и в Америке есть тоже виновные люди. Но речь идет о предках.

Когда римский папа Иоанн Павел II был в Сенегале, а это старинная французская колония XVII

Соловецкий кремль (фото Ю.А. Бродского из его книги «Соловки. Двадцать лет особого назначения»)

века, он был на острове Горэ, откуда отправлялись эти корабли. Он встал на колени. Это был волнующий момент. И молился один на этом острове, откуда увозилось столько человеческого несчастья и горя. Но нашлись люди, которые думали, что этого недостаточно. Надо просить о прощении и в другом виде. И теперь это относится и к нашим французским бывшим колониям. Это целая полемика.

Принято думать, что колонизация была на 100% вредная. Она таковой, конечно, не была. Были и жестокости, но была и медицинская помощь, и много другого было. Был доктор Швейцер и др., и они все свое привносили.

Наши депутаты, я имею в виду французский парламент, вздумали сделать закон о том, чтобы в учебниках было упомянуто о позитивной доле колони-

зации. И началась хаотическая полемика, на которую мы, французы, очень охочи. Мы очень любим это. Но стоит ли, чтобы наши парламены вместились в учебники по истории, указывали генеральную линию для историков? Конечно, нет. И я считаю, что это глубоко неоправданно.

Но если я думаю обо всех этих требованиях о прощении, которые есть на Западе, и думаю о России, то конечно, и мы об этом говорили на конференции в память академика Лихачева, есть идея, что в России память недостаточно учитывает сегодня некоторые категории жертв, что «Мемориал» со всеми своими разветвлениями — это слишком ограниченная в возможностях организация. Количество жертв, тут мне кажется, наводит на идею, что следовало бы иметь музей этих жертв в центре Москвы, именно столицы. На эту идею, выраженную не многими, а одним русским участником той конференции, другие и вообще все согласились, что это немыслимо сегодня. Что при нынешнем политическом пейзаже выдвинуть и провести через Думу идею, что музей жертвам ГУЛАГа будет построен на Лубянке, немыслимо. Но это доказывает, что есть какие-то острые дефициты памяти, болезненная память.

И вот на Соловках, где я был 3,5 года тому назад, был маленький частный музей о концентрационном лагере, который там существовал до 1939 года. Но музей закрыл директор ансамбля. И в общем музея нет. Хотя сегодня он выдвигает свою идею о новом музее.

Я был на Секирной горе и увидел эту знаменитую лестницу, на которой погибло столько людей. Об этом я читал у Олега Волкова сначала в его прекрасных мемуарах, а потом читал в «Архипелаге ГУЛАГе» и в литературе о Соловках. Я был там и я увидел совершенно новую лестницу, крутую, на которой написано, что отреставрировано с помощью Норвежского королевства. И я лично остался в некотором недоумении. Мне хотелось смотреть не на новую лестницу, блестящую, а на старую гниющую, или на отсутствие этой лестницы. Память нуждается иногда просто в отсутствии. Здесь была лестница, по которой спустились живых эзков, а они доходили до конца лестницы уже мертвыми.

Есть еще одна идея, о которой много говорится в России, — *раскаяния*. Но это все-таки разные понятия: память и раскаяние. Раскаяние — это все-таки не коллективное чувство, это индивидуальное. Это я могу раскаиваться. И никто не может раскаиваться за меня. Если не я раскаиваюсь, то никакого раскаяния нет. Коллективного раскаяния я не знаю. Тем более что нельзя требовать в буквальном смысле раскаяния от младшего поколения, которое не участвовало ни в какой резне, ни в каком геноциде. И иногда об этом не знает. Но вот если не знает или если отрицает это, как это бывает, тогда возникает проблема исторической памяти. Это значит, что-то не сделано как следовало бы — в школе, в церкви, по телевидению, ибо это играет огромную роль. Конечно, нельзя, чтобы наше младшее поколение несло ношу всей нашей памяти и всех наших грехов. Но некоторых — нужно.

По-моему, Германия стала новой Германией именно потому что в школах стали преподавать не раскаяние, но память о преступлениях, которые были совершены. И я помню музей в городе Марбург. Чудный город. Это город, который был уничтожен британской авиацией накануне подписания прекращения военных действий. Это был последний город в списке городов, которые насчитывали больше 100 000 жителей. И был такой список. Это была карательная акция, конечно, которая вполне понятна, когда исход войны еще не известен, но которая уже вызывает недоумение, когда это произошло накануне подписания перемирия. И этот чудесный город исчез полностью.

Когда я был там на защите диссертации одной дамы, все было построено. Дворец архиепископа был вновь построен. Фрески Тьеполо, которые там были, восстановлены. Вы не увидите ни одного следа войны. Но в музее можно это увидеть. И музей мне показался образцовым примером того, как можно заботиться о памяти. Потому что в этом музее вы видите город, каким он был до войны, и вы видите город после бомбардировки. Что-то ужасающее. Вы видите реконструкцию города. Но этим не ограничивается музей. Вы также видите погромы еврейских лавок в начале 30-х гг. Когда начинается экспозиция, вы видите бедных евреев, которых ведут на площадь за бороду и толкают ножами. То есть музей устроен так, чтобы память не упрощать, чтобы не мог молодой житель этого города Марбург думать: «Ах, звери британцы нас уничтожили!» Чтобы он призадумался, что все сложно, что мы несем большую ответственность.

Я думаю, что я слишком заговорился, и на этом закончу.

**Редакция благодарит
Архангельское малое православное братство
и лично о. Иоанна ПРИВАЛОВА
за предоставленный материал**

Ле Руа Ладюри (род. 1929) — автор книги «Крестьяне Лангедока» (1966). Лангедок — область на юге Франции.

Итоги года

Ки́фа: В чем Вы видите итоги этого года?

Председатель братства «Сретение» Дмитрий Гасак:

Я очень чувствую, как возросло напряжение нашей жизни. Это не внешняя, а внутренняя характеристика. Мне кажется, что Содружество сейчас очень активно развивается. И слава Богу, что у нас сейчас есть все возможности и для внутреннего, и для внешнего развития. Кто знает — может быть, в будущем у нас таких возможностей не будет. Но сейчас они есть. Не случайно буквально сегодня на совете Содружества обсуждался вопрос взаимодействия различных направлений служения в братстве. Не случайно сейчас идет некоторое переосознание жизни Сретенского братства именно в контексте ответственности за все, происходящее в Содружестве — чтобы не упустить ничего из того, что Господь нам дает и что созревает изнутри.

Мне кажется очень важным то, что теперь можно больше опираться на братство. Наше движение больше становится похожим на духовное движение, потому что во главу угла ставится решение вопросов именно в духовном ключе. Это наше наступление на секулярную парадигму сознания, которая во многом еще живет в нас, на потребительское отношение к церкви, к братству. Вообще к жизни.

Это, конечно, не некий итог. Приходится говорить об этом как о начале, о тенденции. Как она будет развиваться, как мы этот путь пройдем, еще покажет время. Но, повторю, я чувствую очень большие возможности, которые у нас есть на сегодняшний день, и некоторую силу. Важно только не распыляться и, как мы говорили на посвященной иноческому пути встрече в Архангельске, не бояться сжигать мосты и делать выбор, не стараться тянуть с собой весь накопившийся воз прошлой жизни. Какие-то вещи нужно просто оставлять и не бояться. Не только потому, что впереди нас ждет значительно большее, а просто надо идти быстрее. Действительно, дорогу осилит идущий.

Есть еще одна важная вещь. Эта напряженность жизни требует более быстрых реакций, большей жизненной мобильности, и значит, большей духовности. Очень важно, чтобы это понималось в братстве, в общинах, в разных городах, при том, что есть довольно большие различия между малыми братствами. Нам необходимо укрепление соборного сознания. Не случайно и темой года нами выбрана соборность. В прошлом году темой была свобода, в этом году — соборность. Важнейшие темы в христианстве, в православии, в православной церкви.

Ки́фа: И очень важные в своем сочетании.

Дмитрий Гасак: Совершенно верно. Тем более, что мы можем не только рассуждать о них, но еще и что-то показать своей жизнью. Действительно, важно становиться более свободными, но и более соборными во всех сферах нашей жизни: и в отношении к детям, и в семьях, и на работе. Нужно, чтобы жизнь наша становилась единой, более целостной. Именно об этом мы читаем в древних текстах, например, в послании к Диогнету, где говорится, что христиане не имеют особой страны, но живут везде, не имеют какого-то особого учения, но тем не менее отличаются от всех,

Ки́фа: ...не имеют града пребывающего, но грядущего взыскуют, как говорится в послании к Евреям...

Дмитрий Гасак: и, в общем, они внешне не отличаются от всех людей, но с другой стороны, очевидно, что живут не как весь мир, не как все люди.

Мы, мне кажется, приближаемся, по крайней мере, можем приблизиться к тому, чтобы свидетельствовать о своей вере не только на словах (хотя и это важно на самом деле, это многие недооценивают), но и на деле, в жизни своей. Мы можем, как в древности, в конце концов, сказать: приди и посмотри, как живут христиане.

Я только что вернулся из поездки во Владимир. Там прекрасные храмы XII века, замечательная архитектура. Может быть, в советское время они были свидетельством, но на сегодняшний день — нет. Порою кажется, что сегодня у Господа возможности действовать за пределами храмов иногда больше, чем внутри них, как это ни дико звучит, потому что прежде всего важно свидетельствовать о том, что жизнь в храме и жизнь вне его — это не две разные жизни, что они едины. И если мы научимся свою жизнь устраивать по-христиански, если сможем свидетельствовать жизнью, что христиане во всех своих проявлениях живут лучше, чем все остальные люди, это будет замечательно. Тогда наша миссия будет иметь значительно больше плода, чем сейчас. Этому еще надо научиться, но мне кажется, что мы к этому движемся.

Вопросы задавала Александра КОЛЫМАГИНА

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА?

Из доклада ректора Свято-Филаретовского института проф.-свящ. Георгия Кочеткова «От времени Бытия до времени Апокалипсиса», прочитанного на VI Фроловских чтениях в Институте философии РАН 21 ноября 2006 г.*

«Вечные вопросы», которые априори всегда были и будут тайной, — вопросы ненаучные, но, слава Богу, ими всегда занимались люди — философы и богословы. Их интерес и путь одинаковы, и различие лишь в том, что идут они друг другу навстречу по одному пути, исходя из противоположных точек отсчета. Богослов исходит из достоверного в его жизни и в духе его веры, надежды и любви, в его сердце предельного и запредельного Откровения, т.е. данного свыше, но такого, которое ему еще надо познать, сделать имманентным. Философ же исходит из достоверного в его жизни и опыте осмысления по совести Познания, которое еще должно послужить ему откровением предельных и запредельных, т.е. трансцендентальных и трансцендентных, вещей. В принципе опыт и путь философа и богослова могут быть объединены в мистике, но о ней говорить и спорить трудно, поскольку она имеет дело с чистым Откровением и Познанием в их изначальной целостности через мистическое, невербальное, божественное Писание и такое же Предавание. Опыт и свидетельство мистики недоказуемы, они должны быть убедительны изнутри самих себя. Это — опыт и свойство чистой экзистенции человека, жизни и мира, преодолевающих свою природную порочность и падшесть и выходящих через это в своё предельное и запредельное сверхприродное состояние и соотношение в общении.

Сегодня я должен встать не на позицию мистика или богослова, а на позицию философа, и сделать усилие по восхождению в Познании к таким предельным и запредельным вещам, как смысл жизни человека, его смерть и бессмертие. Это, к слову, означает, что я не смогу пользоваться откровением Священного писания для доказательства своих положений. Оно может быть использовано только для иллюстрации. Также я не смогу пользоваться догматическими истинами церкви, христианского учения, ведь поставленные вопросы — недогматические и недогматизируемые, они — в самом центре христианской веры и жизни, от которого производна сама догматика. К сожалению, обычно думают наоборот.

II

Вопрос о смерти и бессмертии человека — это вопрос о его жизни и смерти, от которого исходит и вопрос об их смысле или бессмыслице.

Эти вещи всегда понимались по-разному, не только в христианстве и вне его, но и внутри самого христианства, с чем и связан ряд недоразумений.

III

Начнем с проблемы бессмертия человека.

Надо сказать, что для христианина бессмертие бессмертию рознь. Если для

иллюстрации использовать известные мифологемы из пролога книги Бытия и заключительной части Апокалипсиса, то можно сказать, что одно бессмертие подразумевается в доисторическом времени, в случае жизни первого человека в раю до грехопадения, другое — в истории, после грехопадения, третье — в метаисторическом времени Царства Небесного, описанном в Апокалипсисе. Первое бессмертие — чисто духовное, но земное. Для телесного, плотского бессмертия Адаму в раю требуется «плодиться и размножаться и наполнять землю». Первый грех повреждает человека именно духовно и тем самым ставит под вопрос первое бессмертие человека. Тогда человек в истории начинает сам выстра-

ивать себе бессмертное имя, занимаясь в том или ином виде «вавилонским столпотворением». Человек делает себе памятники, строит себе каменные или духовные пирамиды, думает о том, чтобы сохраниться в памяти потомков, уж коли по-другому достичь бессмертия ему уже никак нельзя. Далее человек открывает для себя путь правды и справедливости, путь Закона. Путь же освобождения «от рабства тлению», уврачевания всех духовных ран человека открывается Мессией-Христом: Его верой, любовью, свободой, даром Духа через Него. Вся эпоха истории — эпоха возможности обрести бессмертие в вечной, божественной Памяти. Полнота реализации даров Духа во Христе носит уже метаисторический характер. Третье бессмертие в Царстве Небесном предполагает личностный и универсальный его характер. Это — откровение новой жизни человека в полноте и совершенстве в новом мире, на новом небе и новой земле, не в дебелой плоти, но в плоти

духовной, уподобляемой Евангелием бессмертной плоти ангельской, а апостолом Павлом — бессмертному телу духовному.

Возможно ли в связи с этим говорить, скажем, о бессмертии души? «Попытки античной философии — и под ее влиянием различных форм христианства — поставить выживание человека на природную или «субстанциальную» основу, такую как, например, бессмертие души, не могут дать сохранности личности. Если душа по природе бессмертна, тогда личное выживание приобретает характер необходимости — и мы опять возвращаемся к классической античной онтологии. <...> Для христианского же осмысления такие идеи создают громадные

Фрагмент картины Кранаха Лукаса Младшего.

трудности, так как представление о неизбежном бессмертии не совмещается со свободой Бога и, кроме того, ставит под угрозу личность»¹.

Учение о бессмертии души, возникшее до и вне христианства и всегда бывшее очередной духовной пирамидой, часто до сих пор связывают с христианством. Но христианство (при условии, что мы принимаем требуемую христианской антропологией трихотомию) может говорить лишь о бессмертном, вечном духе в человеке, и то если этот человек «нашел благоволение в очах Божиих» и воспомнят Им к жизни, а не к смерти, т.е. если дух человека, еще живущего в историческом времени, — от Бога (и к Богу). Узнать это нам бывает не так просто, из чего и происходит известное из Писания требование «различения духов». Это различение — дар Самого Божьего Духа, данный всем верным, но, с другой стороны, это и редкая харизма, подаваемая не всем в полной и равной мере.

IV

Вопрос о бессмертии человека, конечно, тесно связан с проблемой его смерти. По библейско-христианским воззрениям смерть угрожала человеку еще в раю. Смерть там прямо связывается с возможностью для человека познать «добро и зло», а значит, с разделением того, что в начале было дано человеку как единое, существующее «по ту сторону добра и зла». Это означает, что природный круговорот, существовавший и до появления человека, охватывавший и живой, и неживой мир, не включал в себя того, что мы называем смертью. Умереть мог только тот, кто имел особый дар жизни, только человек, а уже вслед за ним и вместе с ним мир, в том числе животный. Далее само грехопадение центрируется на вопросе жизни и смерти человека. Адам и жена его (тогда ещё не «Ева») уверены, что если они откроют тайну жизни, вкусят от «древа Жизни», то они умрут, а сатана уверяет их в обратном — не умрут, но станут как боги, станут бессмертными и к тому же познают добро и зло. Это значит, что в человеке изначально был заложен страх смерти и что, забыв о нем, они могли потерять первое бессмертие. Так и произошло: человек потерял его и стал искать свое бессмертие в истории, при этом каждый раз подвергая себя искушению смертью, причём смертью и телесной, и душевной, и духовной. Так человек впал в «рабство тлению», от которого, как уже говорилось, спасти могли только Христовы Смерть и Воскресение и откровение полноты новой жизни в Царстве Небесном. В процессе же истории человек, входя в память Божью, обретал залог вечной жизни, существующий независимо от смерти физической. Апокалипсис назвал ее первой смертью, указывая еще на смерть вторую, духовную. А как говорил св. Симеон Новый Богослов, «бывает смерть (духовная) прежде физической смерти» (Слова. 61, 563). Пока есть историческое время, первая смерть — это «путь вся земля», как и рождение человека, и его размножение или жизнь в семье и обществе, а через это — в падшем мире. Вторая смерть названа в Библии, в Новом завете, «последним врагом Богу». Как это ни странно, но к христианству наряду с учением о бессмертии души со временем привилось столь же языческое memento mori, мрачно-аскетическое «помни о смерти», тогда как в христианстве всегда скорее звучал и (или) должен звучать призыв «помни о Жизни». Конечно, это нельзя истолковывать гедонистически или по-сибаритски, это речь о Жизни вечной, но в этом призыве есть место и жизни земной. Увы, в истории жизнеутверждающие, победные начала христианства были затемнены и даже оттеснены, что не могло не вызвать протеста против такого его «темного лика» с мизантропией и страхом перед жизнью нынешней, а также будущей и вечной, открытой нам, в частности, через Апокалипсис. Но даже в Ветхом завете Суд Божий открывается как восходящий свет (Ос 6:5).

* Полный текст доклада будет опубликован в журнале «Человек»

V

Чтобы далее говорить о смысле жизни, надо еще несколько слов сказать о самой жизни. Как есть несколько «смертей», и каждая из них так или иначе враг Богу, так в христианстве есть и несколько понятий о жизни. По сути мы уже касались Жизни вечной человека, вошедшего в нетварную вечную память Божью или в Царство Небесное. Также мы уже упоминали о жизни земной, временной, хотя и могущей быть связанной с даром духовного бессмертия. Здесь есть место и жизни, понятой биологически, по плоти, включающей в себя и физико-химический аспект, и (после грехопадения) жизни социальной и исторической, включающей в себя ее онтологию, и жизни новозаветной — духовной и экзистенциальной, в пределе вневременной, т.е. существующей вне рамок исторического и космического времени, как и вне всякого виртуального времени, в том числе математического. Такая экзистенциальная жизнь является для нас скорее уже не фактом, а актом, чистым действием человека, точнее содействием Бога и человека, их синергией.

Есть ли здесь место какой-либо загробной жизни? Это вопрос сложный. Можно точно сказать, что христианство знает «Книгу Жизни», т.е. некую мистическую (хотя и не только!) «книгу живых», наследующих полноту Жизни вечной, но не знало и не знает «книгу мертвых», подобную египетской или тибетской и тесно связанную с тварной, т.е. не вечной, памятью. Опыт всех «книг мертвых» часто кажется христианству и убедительным, и каким-то бесовским, точнее демоническим. И это — не «демон Максвелла». Является ли он аберрацией сознания или его можно очистить от «страстных» наслоений и идеологий и взять из него что-то ценное, хотя бы объективно (а не только субъективно) существующее, — это пока не вполне ясно. Но ясно одно: такая загробная жизнь и Жизнь вечная человека — совсем не одно и то же. Как и само жизненное пространство за гробом, но в мире сем, и в вечной памяти Божьей, не говоря уже о Царстве Небесном, это не одно и то же. Множество раз в истории христианства эти вещи путались и путаются, увы, точно так же, как и бессмертие духа и души и нормативная память о Жизни и о смерти.

В истории, к сожалению, до сих пор бывает, что «мертвый хватает живого»...

VI

Теперь надо еще сказать, что мы понимаем под смыслом как таковым. Для нас это скорее вопрос духовный, чем душевный, а значит, вопрос не просто рациональный. Не то чтобы душевных, рациональных смыслов не существовало в нашей жизни, но эти смыслы всегда не дотягивают до реальности нашей общечеловеческой экзистенции. Но для нас вопрос о смысле жизни даже не просто духовный, он именно логистический. Здесь мы, конечно, имеем в виду, что полнота всякого божественного Слова, Логоса — это Само Слово Божье, это Сам Иисус Христос. Наше стремление к полноте Духа и Смысла — залог Жизни вечной, а сама эта Полнота есть сама эта вечная Жизнь, понятая даже не просто как инобытие, а как абсолютно новое существование духовного Человека в Полноте общения в Истине, Любви и Свободе, в той Полноте, Которая и есть наш Бог. Не случайно Христос говорит о Себе: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь», а о Боге-Отце: «Бог есть Любовь» и еще: «где Дух Господень, там Свобода».

VII

И наконец, несколько слов (увы!) о проблеме смысла жизни человека в христианском контексте.

Коли вопрос о смысле жизни человека для нас больше всего связан с нашим отношением ко Христу, то и ответы на него могут быть разными, в зависимости от того, как мы познали Христа и Его дары, которые и должны в таком случае стоять в центре нашей жизни и стать ответом на вопрос о ее смысле. Важно, что эти вещи могут иметь не только конфессиональное и религиозное значение, но и быть общезначимыми, общечеловеческими. Ведь Христос присутствует в нас и в мире не только на иконах и в таинствах или через них.

С Духом Христа, с Его Любовью и Даром могут быть связаны многие вещи, но в целом их можно распределить на две категории. Во-первых, со Христом для нас связывается то, что всякий человек стремится обрести всегда и везде на первом этапе своей осмысленной и живой жизни. Это освобождение от зла и греха, это покаяние, освящение, исцеление, возрождение и обновление человека, обретение им единства и гармонии духа, души и тела, внешнего и внутреннего, личного и межличного, человеческого и божественного. Это то, что в христианстве обычно называется спасением и возвращением блудного сына к Отцу. Не случайно многие люди называют христианство религией спасения и, пораженные реальным величием этих задач и даров, на них и останавливаются, и сводят только к ним универсальный смысл жизни человека в истории.

Но парадокс заключается в том, что христианство может и не быть только религией спасения и искупления. Не отрицая величия и универсальной значимости этих даров и их значения в раскрытии и осуществлении смысла жизни всякого человека, христианство говорит и о большем. Оно утверждает возможность преобразования и обожения всего человека, а через него и прочего мира, полноту способности любить, жить в свободе и вечном общении с Богом и ближними. В общении, а не просто каком-либо информационном поле, в со-общении, как говорили Николай Бердяев и о. Сергей Булгаков. С близкими, а не только с близкими, т.е. и с теми, кто тебе может быть не близок по крови и происхождению или по взглядам. Эти задачи и дары совершенны и полны, они требуют нового рождения человека в качестве личности, которой все люди не рождаются, а становятся (ср. Тертуллиан: «христианами не рождаются, а становятся»), хотя от рождения и призваны к этому (ср. Тертуллиан: «душа человека по природе христианка»). Это в пределе требует восстания человека и мира и возвышения (транцендирования) их к Богу — по образцу восстания (воскресения) Иисуса Христа. Как жаль, что в самом христианстве об этом часто забывали и забывают.

Итак, христианство утверждает конечные, т.е. предельные и даже запредельные (транспендентные), понятия о смысле жизни, о смерти и бессмертии человека, хотя они во многом и оказались искажены и запутаны как в церковной истории, так и в общечеловеческом сознании.

¹ Зизиюлас Иоанн, митр. Бытие как общение. М., СФИ, 2006. С.43 — 44.

РАЗРЫВ ЭПОХ ЗАРАСТАЛ НАМИ САМИМИ

Интервью с Натальей Горбаневской

«Кифа»: Я хотел бы попросить Вас рассказать о Ваших учителях.

Н. Горбаневская: В поэзии или вообще?

«Кифа»: И в поэзии, и вообще.

Н. Горбаневская: Ну, во-первых, я должна сказать, что в молодости в поэзии обычно учителей находишь среди ровесников. Таким учителем для меня и для многих поэтов моего поколения был Станислав Красовицкий, который старше меня где-то на полгода, поэт, через которого я уже могла пройти к современной поэзии. Что же касается Ахматовой, которая, можно сказать, самый дорогой человек в моей жизни, то она была моим учителем не столько в поэзии, сколько в жизни — в том, как быть поэтом, как не зазнаваться, не заноситься. Дело в том, что когда я пришла к Ахматовой, я еще очень сильно любила Цветаеву. И Анна Андреевна совершенно меня не пыталась отучать от любви к Цветаевой, в общем, она Цветаеву очень высоко ценила. Но от общения с Ахматовой у меня всякая любовь к Цветаевой прошла — именно к ее позиции поэта, которая постоянно звучит и в стихах, и в прозе, и где угодно. Я просто стала от этого резко отталкиваться. А уже проникать в поэзию Ахматовой я стала очень постепенно, только отчасти при ее жизни. Вот уже 40 лет прошло после ее смерти, а я все проникаю туда, проникаю и... но я не могу сказать, что я уже все понимаю, проникла в самую глубину.

У меня был однажды в начале 90-х интересный разговор с польским поэтом и переводчиком Ярославом-Мареком Рымкевичем. Он передавал мне свой разговор с какими-то французами. Французы говорят: «Вот какой замечательный поэт Пастернак». А он им в ответ: «Да что Пастернак! Вот Мандельштам!» (Рымкевич очень много переводил Мандельштама, и у него даже есть о нем стихи). А потом Ярослав мне и говорит: «Я вдруг задумался: да что Мандельштам — а вот Ахматова?» Потому что Мандельштам, он как будто загадочный поэт, но в его загадках можно разобраться, а у Ахматовой даже непонятно, что загадка, а что ее тайна. Рымкевич тогда сказал: «Чем больше мы проникаем в Ахматову, тем более таинственной она становится». Действительно, хотя она говорила «я тишайшая, я простая», но эта простота ее не совсем простая. И если можно спокойно говорить о Пастернаке, что он от первоначальной сложности шел к поздней простоте, то об Ахматовой сказать, что, скажем, она от простоты своих первых книг шла к сложности и загадочности «Поэмы без героя», — это довольно поверхностно. У нее загадочность и глубина есть и в ранней поэзии. И есть какая-то величайшая простота и в сложности «Поэмы без героя». Мне кажется, что лучше говорить не о сложности, а действительно, о некоторой таинственности и тайне, которая нам все время открывается — и все время открывается не до конца. Поэтому я даже не могу сказать, что Ахматова в поэзии мой учитель, я все время с ней общаюсь, все время перечитываю, но я не знаю, могу ли, способна ли я у нее чему-то научиться.

«Кифа»: А что касается жизни?

Н. Горбаневская: Безусловно, для всех нас, тех, кто общался с Анной Андреевной (а я общалась с ней без малого 4 года — с мая 1962 года до января 1966; в последний раз я ее видела в Боткинской больнице, после больницы я ее уже не видела: все ждала, когда можно будет с ней познакомиться, и не дождалась), это общение было очень важным. Потому что благодаря этому общению разрыв эпох зарастал у нас на глазах, зарастал в каком-то смысле нами самими. Перекидывался мост, или помост, или что-то такое, но это действительно было необыкновенно важно, потому что через Ахматову мы становились соучастниками и той ее жизни, их жизни, которой не были свидетелями.

«Кифа»: Это освобождало?

Н. Горбаневская: Я бы сказала, что освобождение я чувствовала и до встречи с Анной Андреевной. А общение с ней давало как раз какие-то важные границы освобождению. Наша свобода — в общении с ней — училась быть не расхристанной... Свобода, которая входила в рамки русской культуры, существовала уже не просто где-то... не в вакууме, а в чем-то гораздо более высоком.

Анна Андреевна Ахматова

«Кифа»: Вы относите себя к поколению шестидесятников?

Н. Горбаневская: Нет. Вы знаете, шестидесятники — это те люди, которых мы в те же 60-е годы называли «либеральной интеллигенцией». И я Вам могу сказать, что я, впрочем, как и Иосиф Бродский, всегда считала, что мы не шестидесятники, мы — поколение 56-го года. Это поколение не столько XX съезда, сколько Венгрии. К этому поколению относится очень много людей, родившихся, скажем, между 34-м и 42-43-м годами (я — 1936-го). Самые младшие — это Владимир Буковский, Гарик Суперфин. Гарик говорил: «Я тоже вашего поколения, я чувствовал, как вы», — хотя ему в 1956 году было всего 13 лет. А шестидесятники в основном старше. Это, скажем, люди от 29-го до 34-го года рождения, но это немножко другое поколение. Хотя кто-то потом ушел из либеральной интеллигенции и попадал в наше поколение.

«Кифа»: А чем отличалось это «поколение 56-го года»?

Н. Горбаневская: Это поколение, которое после Венгрии больше не надеялось ни на какие внутренние перемены советского режима. То есть это поколение, настроенное гораздо более резко антисоветски.

«Кифа»: Вы не шли ни на какой диалог с идеологией?

Н. Горбаневская: Еще в начале 60-х среди наших ровесников были люди, ориентировавшиеся на истины марксизма (за истины ленинизма держались разве что в провинции). Вот здесь, в Ленинграде, были замечательные ребята, которые прошли по делу «Колокола» — «колокольчики» мы их потом звали, — они шли как бы от марксизма или, может быть, от социал-демократии. Но мы вообще не шли от политической идеологии, понимаете? Это была свобода широкого плана, не связывающая себя такими политико-идеологическими рамками.

«Кифа»: А как Вы пришли к христианству?

Н. Горбаневская: Вы знаете, очень долго в моей жизни христианство не занимало

(Продолжение на с. 8)

РАЗРЫВ ЭПОХ ЗАРАСТАЛ НАМИ САМИМИ

(Начало на с. 7)

никакого места, а потом что-то стало происходить постепенно. Кстати, я думаю, что и общение с Ахматовой в этом смысле меня во многом просвещало. Я не могу сказать, что мы говорили на эти темы, но мне было понятно, что передо мной православная христианка, нормальный религиозный, церковный человек, хотя, может быть, она и не часто бывала в церкви. В те годы это вообще было тяжело, да еще при ее болезнях, при ее неподъемности. Но я понимала, что она христианка, и она была для меня идеалом человеческого поведения. Потом... у меня, скажем, религиозность стала раньше проявляться в стихах, чем в жизни, чем во мне самой... Ну, а поскольку стихи у меня сами пишутся, но имеют все-таки ко мне отношение, я думаю, что действительно это как бы подспудно во мне выросло, и в конце концов в 1967 году я крестилась. Тут я должна сказать еще о значительной роли моей крестной матери — Натальи Леонидовны Трауберг. Я познакомилась с ней за полгода до того, как во мне уже что-то созрело. И разговоры с ней помогли всему подспудному выйти наружу и привели меня к решению о крещении. Когда я второй раз поехала к ней в Вильнюс, мы вместе пошли вечером в церковь, где не было никого кроме священника. Этот священник и Наташа стали моими восприимниками.

«Кифа»: Вы запомнили священника?

Н. Горбаневская: Нет, я его не запомнила, его уже нет в живых. Помню только, что его звали отец Антоний. Он уже тогда был очень и очень пожилой (если не старый) человек. Но, надо сказать, что до какого-то воцерковления я еще потом доходила очень долго, с какими-то откатами. Знаете, ходить в церковь в Москве было не очень легко. Я долго не могла привыкнуть.

«Кифа»: Вам помог кто-нибудь?

Н. Горбаневская: Вы знаете, нет, потому что так получилось, что Наташа, моя крестная мать, была в Вильнюсе, а я в Москве. Как-то я не могла найти никого, а может быть, не искала. Я иногда ходила в храм, потом крестила младшего сына. Старшего я уже крестить не стала: решила — пусть он уж сам решает. Вы знаете, старшему было 6 лет, когда я крестилась. Если бы я ему тогда предложила креститься — а мы с ним были как-то очень друзья, — он бы почти наверняка согласился. Мне казалось, что это было бы некоторым усилием над его волей, и я решила: пусть подрастет... ну, а потом он очень долго к этому шел. И, надо сказать, что вот сейчас мой младший сын, которого я крестила во младенчестве и который в эмиграции мальчиком, лет до 15-ти, ходил в церковь, от Церкви отошел совсем. Он живет в провинции, у него французская, совсем нецерковная, если не сказать атеистическая, семья, и он совсем отошел от Церкви. Старший же сын крестился только в 1990 году, и он в церковь ходит — часть ли, нечасто ли, но ходит — не только на праздники.

«Кифа»: Как Вам удалось разобраться во множестве православных юрисдикций, существующих в Европе?

Н. Горбаневская: Знаете, я просто сразу попала в церковь прихода РСХД на Оливье-де-Сер, т.е. я попала сразу в Константинопольскую Церковь и так уже в ней и осталась... Хотя у меня были друзья и из Зарубежной Церкви — совершенно замечательная семья Семеновых. Их сын Коля Семенов — ныне священник Зарубежной Церкви, но не той части, которая сейчас соединяется с Московским патриархатом... В моей церковной жизни в эмиграции тоже были какие-то перерывы, опять какие-то откаты... Сначала я ходила, потом мне стало сложно, и я стала ходить нерегулярно, но где-то с начала 80-х я стала ходить уже постоянно. Мы ходили к отцу Николаю Озолину, который был тогда в Булони, потом он перешел на Сергиевское подворье. Сын мой у него крестился. Потом я переехала близко к Оливье-де-Сер и хотя не сразу, но стала снова туда ходить. Теперь это мой приход. Правда, получилось так, что наш настоятель отец Николай Ребиндер на этот год уехал в Москву, и мы немножко осиротели. Сейчас у нас служит священник, который временно в Париже, и как-то отношения у нас с ним не очень ладятся. Я к себе в церковь хожу на праздники, и так получается, что каждый раз на праздник отец Николай приезжает, поэтому я — с ним. В другое время я хожу на службы либо в церковь Покрова и Серафима Саровского на Лекурб к отцу Николаю Чернокраку, либо в Аньер к отцу Владиславу Трембовельскому, который был раньше вто-

рым священником в нашем приходе. У нас многие стали ходить на улицу Лекурб — это всё близко; наш 15-й район парижский — это район, где больше всего православных церквей. Там же находится и приход Московского Патриархата. Там действительно всего очень много, так что есть из чего выбирать...

«Кифа»: В той непростой ситуации, которая сейчас сложилась в отношениях между архиепископией и Московским патриархатом, какой позиции Вы придерживаетесь?

Н. Горбаневская: Я не могу сказать, какая позиция наиболее правильная, я могу сказать, какой точки зрения я придерживаюсь. Я, безусловно, против так называемого «воссоединения с матерью-Церковью». Я очень люблю наших священников как священников, люблю, когда они служат — и Николая Озолина, и Николая Ребиндера, которого я просто очень люблю как настоятеля нашего прихода, — но в вопросе о воссоединении я с ними совершенно не согласна. Вы знаете, они — дети первой эмиграции, они выросли в мечте о воссоединении с матерью-Церковью, и они сейчас очень за это. На мой взгляд, это большая наивность... Они не забывают, но как бы сознательно сбрасывают со счетов, что наша Церковь сейчас уже не та, что создание поместной Церкви в Западной Европе — это создание церкви, которая идет, может быть, от русской традиции, но это уже не русская Церковь. У нас, а тем более у первой эмиграции, есть дети, внуки и даже правнуки, которые чувствуют себя французами. Мы не можем и, думаю, не должны им навязывать церковно-славянский язык. У нас, правда, Апостол читается по-русски, я думаю во всех приходах, но Евангелие читается в большинстве случаев по-церковнославянски (думаю, что его надо читать по-русски) и всегда по-французски. У нас и Евангелие, и

Наталья Горбаневская и Иосиф Бродский
Стокгольм, 1987.

Апостол читаются на двух языках, обязательно по-французски. У нас служба идет частично по-русски, частично по-французски. В каких-то приходах это идет естественно: по-голландски, по-английски, по-немецки и так далее. Скажем, в Голландии, по-моему, в приходе русских уже нет, поэтому служба там идет просто по-голландски. Но родились они от нашей Церкви, они привыкли уже к ней, они не хотят в другую. Пусть эта Церковь будет широкой, многонациональной, но она будет поместной, т.е. Западно-европейской Православной Церковью. Может быть, потом к этой Церкви примкнут сербские, румынские приходы. Они часто чувствуют себя лучше в нашей Церкви. На мой взгляд, это гораздо более православный путь создания поместной Церкви. Такова моя точка зрения. И эту точку зрения разделяют очень многие. Это было ясно хотя бы из того, что на епархиальном собрании, где выбирали архиепископа, с первого тура голосования был избран владыка Гавриил, о котором известно, что он не сторонник того, что нам предлагали: создать митрополичий округ в рамках РПЦ с широкой автономией. Но мы этой широкой автономией и так пользуемся в рамках экзархата, у нас избрание владыки идет по тем правилам, которые установлены Собором 1917-18 года: архиепископа избирает епар-

хиальное собрание в составе духовенства и мирян, избранных на приходских собраниях. Что же касается этой обещанной широкой автономии, то в том, какова цена этим обещаниям, мы, к сожалению, могли уже убедиться на примере Сурожской епархии. Там тоже действовал устав, созданный на основе устава Собора 1917-18 года, и по этому уставу епархиальное собрание выбрало митрополитом епископа Василия (Осборна). А дальше два года патриархия не утверждала его избрания. У нас тоже Вселенская патриархия утверждает архиепископа, это правило правильное, но, естественно, Патриарх уважает мнение нашего епархиального собрания. В Москве к мнению епархиального собрания отнеслись так, как будто его не было, и, насколько я знаю, сейчас за владыкой Василием, который решил уйти в Константинопольскую патриархию, пошло две трети приходов. В общем, к сожалению, тут налицо раскольнические действия, начиная со знаменитого первоапрельского послания Патриарха Московского, которое писал, как я думаю, не Патриарх, и отправлял не Патриарх. Все это было сделано факсом, оригинала вообще никто не получил... Дата, простите, неприличная — 1 апреля. В послании предлагалось отложить выборы, а прислано оно было за месяц до выборов у нас архиепископа. И это было явно направлено на раскол. Я очень хотела бы знать, кто был истинным вдохновителем и, вероятно, автором этого письма. Я вас не спрашиваю, это риторический вопрос, и я даже не хочу, чтобы мне как-то реально ответили, но мне это очень интересно. А перед этим — совершенно раскольнические деятельности владыки Илариона в Сурожской епархии... Может быть, это было его личное самоуправство, но для людей это методы Московской Патриархии. Московская Патриархия такими вещами сама себя компрометирует. А нам хотелось бы, действительно, считать ее по-прежнему матерью-Церковью. Мы — ее дети — живем от нее уже отдельно, но любим по-старому, хотели бы любить...

«Кифа»: Спасибо, можно последний вопрос? У Вас были замечательные учителя. Вы приняли от них живую традицию русской поэзии. Есть ли надежда, что она будет продолжена в следующих поколениях?

Н. Горбаневская: Надеюсь. Вы знаете, я вообще человек, который очень не любит заглядывать в завтрашний день, я живу сегодняшним. Но я Вам могу сказать такую вещь: я думаю, что у Ахматовой я восприняла не только традицию, но и смелость, и дерзость — так сказать, не давать традиции давить. И думаю, что в том, что я наблюдаю, скажем, в современной русской поэзии (я не буду шире выходить, я не буду выходить за рамки поэзии), есть и то, и другое. Есть и какая-то верность традиции, и дерзость. Если, я сказала бы, сейчас нет такого первого поэта, каким был после смерти Ахматовой в течение тридцати лет Бродский, тем не менее есть очень много замечательных поэтов нескольких поколений и очень много прекрасных молодых поэтов. Я все время встречаю какие-то новые имена и вижу, что действительно русская поэзия жива. У меня как раз после смерти Ахматовой было такое ощущение, что русских поэтов много, а русская поэзия умерла. Я была не права. Русская поэзия жива!

Беседовал Александр БУРОВ

ГОРБАНЕВСКАЯ Наталья Евгеньевна родилась 26 мая 1936 г. в Москве. Окончила филологический факультет ЛГУ.

Поэт, переводчик, литературный критик, журналист, известный правозащитник. Начала печататься в самиздате с 1950-х. С 1969 на Западе выходят ее поэтические сборники. Там же издано большинство ее поэтических книг. С 1996-го книги Натальи Горбаневской публикуются и в России. Публиковала также переводы польской поэзии (в частности Ч. Милоша). В Варшаве только что вышла книга ее избранных переводов из польской поэзии.

Редактировала первые десять выпусков информационного бюллетеня «Хроника текущих событий», освещавшего события, связанные с нарушением прав человека в СССР и защитой этих прав. 25 августа 1968 года участвовала в демонстрации на Красной площади против вторжения в Чехословакию. Неоднократно подвергалась обыскам и арестам.

С 1976 года живет в Париже. Много лет входила в редколлегия журнала «Континент» и газеты «Русская мысль». В настоящее время член редакции и редколлегии журнала «Новая Польша» (выходит в Варшаве по-русски).

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:

kifa@list.ru

Электронная версия газеты:

http://gazetakifa.ru

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Виктор Котт,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,
Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев

Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 24 декабря 2006 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 26 декабря 2006 г.

Нашу газету можно приобрести

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Телефоны распространителей

в Москве: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербурге: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);

Архангельске: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеже: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);

Северодвинске: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Твери: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);

Туле: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)